

Чу Фэнцин спал в оцепенении. Крайний дискомфорт в теле не давал ему погрузиться в глубокий сон, но он также не мог проснуться. Казалось, он находился в серой зоне и мог ощущать некоторые изменения во внешнем мире.

Кто-то разжал его губы и передал ему пилюлю. Пилюля была очень горькой на вкус, но у него было некоторое впечатление, что это была пилюля, которую он сделал сам, и она, казалось, использовалась для снижения жара.

После долгого ожидания, пока горький вкус во рту не исчез, ему показалось, что он слышит, как кто-то шепчет что-то ему на ухо. Но когда он хотел расслышать это ясно, звук становился расплывчатым. Через некоторое время даже глиняный человек разозлился бы, так что он просто перестал слушать.

Но теперь это некогда ускользающее, невесомое тело было крепко прижато к нему, и сила этой хватки заставляла его чувствовать неоспоримую реальность того, что он всё ещё жив в этом мире. Он зарылся глубже бессознательно. Шёпот в его ухе не прекращался. Голос был очень знакомым. Размытое лицо возникло в его сознании.

В то мгновение, когда это лицо появилось, его ресницы, тёмные и тонкие, как вороново крыло, стали влажными.

Было так неудобно; он не ожидал, что будет так неудобно.

Всегда есть тот самый человек: если ты встречаешь его в минуту слабости, каждый фасад силы разрушается разом, и в это мгновение поток подавленной печали почти поглощает тебя. Ты можешь показывать свою силу и независимость всему и всем, но ему ты всегда покажешь самую мягкую сторону.

Чу Фэнцин поджал губы и тихо произнёс имя «Цзи Юйцзинь...»

В тот миг, когда он произнёс это имя, Чу Фэнцин почувствовал, будто его горло забито ватой. Его тоска пустила корни и медленно двинулась в самую глубину его сердца.

Цзи Юйцзинь слегка опешил, услышав его голос, затем наклонился и поцеловал его ресницы. Враждебность в его глазах постепенно рассеялась, и её сменила нежность, достаточная, чтобы утопить людей.

— Эн, я здесь.

Чу Фэнцин не знал, слышал он это или нет, но его слабое дыхание постепенно успокоилось и стало ровным.

Цзи Юйцзинь коснулся его нахмуренных бровей кончиками пальцев, поправил его позу, чтобы

было удобнее, и натянул одеяло повыше.

Обжигающее дыхание упало на его шею, углубляя серьёзность в выражении Цзи Юйцзиня. Тело Чу Фэнцина было пугающе горячим, и это вызывало в нём и боль, и ярость. Это и было то, что он имел в виду под пятью днями, которые просил? Неужели ему всё равно на свою жизнь или смерть?

Цзи Юйцзинь не спал всю ночь. Он кормил Чу Фэнцина лекарством и менял воду в четырёх или пяти тазах. Только тогда температура Чу Фэнцина немного снизилась.

Розовое утреннее зарево распространилось по горизонту, добавляя оттенок цвета этому безжизненному месту. С восходом солнца долгая ночь наконец подошла к концу.

С востока города снова слышались потрясающие землю крики. Интересно, сколько людей не пережило прошлую ночь.

Дав каше остыть, Цзи Юйцзинь поднял всё ещё сонного Чу Фэнцина и тихо позвал его по имени.

Он боялся, что тот не выдержит ещё больше, если ничего не поест.

Чу Фэнцин нахмурился. Редко когда он спал так крепко в эти последние дни. После пробуждения он всё ещё был немного сбит с толку относительно текущей ситуации. Ему приснился очень долгий сон, в котором было много чудовищ и демонов. Но там был молодой человек в красном, который оставался рядом с ним и помогал ему прогонять этих злых духов.

— Цинъэр.

Чу Фэнцин открыл глаза и долго смотрел на Цзи Юйцзиня. Постепенно его глаза расширились:

— Ты...

— Выдох...

Его хриплый голос совсем не выдерживал его волнения, и прежде чем он успел закончить свои слова, он начал сильно кашлять.

Цзи Юйцзинь погладил его по спине рукой, чтобы помочь ему дышать ровно, и ответил на вопрос, который он ещё не задал:

— Я больше не мог ждать. День без тебя кажется долгим, как будто прошло несколько лет с тех пор, как я видел тебя в последний раз.

Чу Фэнцин: «.....»

Его кадык дрогнул, когда боль в горле стала невозможно игнорировать. Он вырвался из хватки Цзи Юйцзиня и отступил под одеяло:

— Держись от меня подальше, эта болезнь заразна.

Он нахмурился, его лицо было мрачным, словно он был погружён в раздумья о том, что делать. После короткого молчания он сказал:

— Тебе не следовало входить.

Подумав долгое время, он всё ещё не мог понять, что делать. Вены на лбу Чу Фэнцина запульсировали. Он уставился на Цзи Юйцзиня и сердито сказал:

— Цзи Юйцзинь, ты всё ещё сумасшедший? Ты думаешь, это просто игра в дочки-матери?

Ему приходилось делать паузу после каждого слова. Неизвестно, было ли это потому, что он был очень зол или что-то ещё, но его лицо стало ещё бледнее:

— Это чума, неизлечимая болезнь. Другие изо всех сил избегают её, а ты, ты такой молодец, пришёл сюда намеренно.

Чу Фэнцин спрятался далеко от него и строго сказал:

— Немедленно уходи.

Он боялся, что тот, возможно, уже не сможет покинуть особняк, но, по крайней мере, было гораздо лучше не оставаться в одной комнате.

Цзи Юйцзинь не мог вынести, когда он был таким, и не мог вынести, когда он избегал его, поэтому он просто взял его за руку и придвинулся ближе, его лисьи глаза слегка приподнялись, с блеском света в них и без всякого страха.

Он легко чмокнул его в губы, его губы слегка изогнулись, когда он сказал:

— Я уже не могу уйти. Я поцеловал тебя, как только пришёл сюда вчера, и даже спал с тобой в обнимку всю ночь. Теперь уже слишком поздно прятаться.

Чу Фэнцин прикрыл губы руками, его грудь вздымалась и опускалась:

— Ты... ты просто неразумен!

Цзи Юйцзинь принёс немного тёплой воды и поднёс её к его губам:

— Пить хочешь? Сначала выпей воды.

Он медленно сказал:

— Сначала выпей, а потом ругайся.

Чу Фэнцин: «.....»

После того как Цзи Юйцзинь помог ему сделать глоток воды, горло Чу Фэнцина слегка смягчилось. Он молча смотрел на Цзи Юйцзиня, его разум перебирал, что ему делать дальше.

Цзи Юйцзинь слегка приподнял брови:

— Что такое? Не можешь найти слов, чтобы обругать меня? Ну, такому благородному мужу, как ты, неловко ругать других.

С этими словами он помог Чу Фэнцину умыться, а затем укрыл его лисьей меховой накидкой. В какой-то момент в комнате зажгли уголь, и комната, всегда сырая и холодная, постепенно стала тёплой.

— Может, поешь немного и подумаешь об этом, пока ешь?

С этими словами он протянул кашу как раз нужной температуры Чу Фэнцину и сказал грубоватым тоном:

— Я не спешу. Ты можешь думать медленно.

Чу Фэнцин: «.....»

Чу Фэнцин не мог не изогнуть уголки губ в лёгкой улыбке. Они посмотрели друг на друга с улыбками в глазах.

Хулиганское поведение Цзи Юйцзиня оставило Чу Фэнцина беспомощным. Он взял кашу, протянутую ему Цзи Юйцзинем, и подсознательно хотел отодвинуться от него, но прежде чем

он успел повернуться спиной, его толкнули обратно.

Цзи Юйцзинь поднял свои лисьи глаза и легко сказал:

— Чу Фэнцин, если ты снова будешь прятаться от меня, я снова тебя поцелую. Спрячешься раз — поцелую раз.

С этими словами он чмокнул Чу Фэнцина в губы:

— После этого я буду считать, что ты прячешься от меня, потому что хочешь, чтобы я тебя поцеловал.

Уши Чу Фэнцина покраснели, хотя он не мог сказать, было ли это от жара или от провокации Цзи Юйцзиня. Его брови нахмурились, и его холодный голос, огрубевший от жара, нёс хриплую нотку. Спустя долгое время он сказал лишь четыре слова:

— Неразумно.

Цзи Юйцзинь улыбнулся: он знал, что Чу Фэнцин пошёл на компромисс.

Он никогда не боялся смерти, проведя всю жизнь на острие лезвия. Он был свидетелем бесчисленных моментов жизни и смерти и не раз уже стоял одной ногой за порогом Князя Ада.

Единственное, что теперь могло его напугать, — это Чу Фэнцин.

Короче говоря, из-за настойчивости Цзи Юйцзиня Чу Фэнцин испробовал все способы выгнать его, но безуспешно, и вместо этого позволил ему воспользоваться собой.

После ужина Цзи Юйцзинь пошёл варить лекарство для Чу Фэнцина. Весь особняк был наполнен запахом лекарства. Повсюду пахло травами. Изначальный слабый лекарственный аромат на теле Чу Фэнцина тоже стал тяжелее.

Цзи Юйцзинь понюхал свои манжеты. Он тоже вонял лекарством, горьким запахом, который ему не нравился. Он уставился на лекарство, кипящее в глиняной печи, его взгляд бурлил яростью, словно нежность, которую он проявлял мгновения назад, была не более чем маскировкой. Он не мог сдержаться, как только покидал поле зрения Чу Фэнцина.

Он сожалел, что приехал сюда. Какое отношение к нему имели жизни людей в этом городе? Если бы он не приехал...

Если бы он не приехал...

Это всё его вина.

След крови вытек из уголка губ Цзи Юйцзиня. Он вытер его большим пальцем и холодно посмотрел на кровь на своих кончиках пальцев без всяких эмоций. Металлический привкус крови во рту только усиливал его ярость.

Пока Цзи Юйцзиня не было, Чу Фэнцин встал и подошёл к столу, подержал руки над угольной печью, чтобы согреть их, и вскоре его холодные руки согрелись. Он собрал все рецепты. За всю свою медицинскую карьеру он сталкивался с бесчисленными сложными и трудными болезнями, но немногие были такими ужасными, как эта.

Он явно прописал правильное лекарство, так почему же оно не действует?

Он потёр виски. Его психическое состояние становилось всё хуже и хуже. Он чувствовал сонливость каждый день, и у его мозга оставалось не так много времени, чтобы мыслить ясно.

Ему нужно было торопиться.

Он был занят всё утро, и когда услышал шаги за дверью, он слегка помедлил и обнаружил, что шаги направлялись к его комнате. Он отложил кисть в руке, направился к кровати и притворился, что держит в руках биографию.

Сегодня температура немного упала. Он не знал, был ли он ослеплён жадностью этим утром или чем-то ещё, но он пообещал Цзи Юйцзиню, что не будет вставать с постели, чтобы снова не простудиться. Однако он и впрямь беспокоился об эпидемии.

Цзи Юйцзинь вошёл в комнату с лекарством в руке. Он бросил короткий взгляд на человека, прислонившегося к изголовью кровати и поглощённого биографией. Его глаза на мгновение дрогнули. Поставив лекарство на стол, он дал ему остыть:

— Ого, ты сегодня такой послушный.

Чу Фэнцин легко кашлянул и посмотрел в сторону, не осмеливаясь встретить взгляд Цзи Юйцзиня.

Цзи Юйцзинь намеренно взглянул на стол и немедленно получил тревожный взгляд от человека рядом с ним:

— Хм? На столе...

Прежде чем он закончил говорить, Чу Фэнцин сказал:

— Я забыл убрать их в-вчера.

Прежде чем Чу Фэнцин закончил говорить, его лицо начало гореть. Он слегка опустил глаза, чтобы скрыть свою нечистую совесть.

Цзи Юйцзинь беспомощно улыбнулся, но в конце концов не стал указывать на это.

Чу Фэнцин слегка вздохнул с облегчением, увидев, что он не стал продолжать.

Когда они пили лекарство, Цзи Юйцзинь попробовал его первым. Лекарство было кислым и горьким, и его было трудно глотать. Он лишь сделал глоток и сильно нахмурился:

— Можно добавить немного сахара в это лекарство?

Чу Фэнцин покачал головой и усмехнулся:

— Как можно добавлять сахар в лекарство?

Выросший на лекарствах, которые он пил прямо из банок, он уже давно привык к этому. Даже самые горькие и труднопроглатываемые снадобья теперь казались ему обычными. У Чу Фэнцина было бесстрастное лицо после того, как он выпил его, но лицо Цзи Юйцзиня было полно отвращения.

Чу Фэнцин:

— Почему ты пробуешь горечь первым, когда пью я?

Цзи Юйцзинь взял конфету и положил её в рот, затем снова чмокнул его в губы, пробуя горький привкус, оставшийся на его губах, и не мог не нахмуриться:

— Мне горько просто от того, что я вижу, как ты пьёшь.

Сахар медленно таял у него во рту. Чу Фэнцин прищурился и посмотрел на зелёные банановые деревья снаружи. Безжизненная комната, казалось, ожила из-за присутствия Цзи Юйцзиня.

День прошёл так без происшествий. Перед сном Чу Фэнцин проверил пульс Цзи Юйцзиня. К счастью, он ещё не был заражён болезнью. Он почувствовал небольшое облегчение и закрыл глаза.

На второй день Чу Фэнцин чувствовал себя ещё хуже, ему потребовалось много времени, чтобы встать.

После того как он встал, Цзи Юйцзинь передал ему письмо. Увидев письмо, в глазах Чу Фэнцина появился оттенок радости:

— Императорский лекарь Ли сказал, что этот рецепт более эффективен, чем предыдущий.

Императорский лекарь Ли также вложил в него рецепт, который он написал. Чу Фэнцин посмотрел на два рецепта, и вдруг в его голове промелькнула идея.

— Я на самом деле забыл об этих двух лекарствах.

Он уже собирался встать с постели, но прежде чем его ноги коснулись земли, Цзи Юйцзинь остановил его:

— Хороший врач, что бы ни случилось, тебе нужно сначала поесть, верно?

Чу Фэнцин моргнул, не стал возражать ему, но лёг обратно.

Цзи Юйцзинь тогда улыбнулся и покормил его кашей, как вчера.

Чу Фэнцин сделал несколько глотков и вдруг сжал одеяло руками. Синие вены на тыльной стороне его рук вздулись. Он посмотрел на Цзи Юйцзиня и улыбнулся:

— Мне так хочется пить, я хочу чашку горячей воды. Можешь пойти и налить мне чашку?

Цзи Юйцзинь пристально посмотрел на него и кивнул:

— Хорошо, подожди меня.

Вода в комнате была со вчерашнего дня и ещё не была заменена. Цзи Юйцзинь взял чайник и вышел.

Как только он ушёл, Чу Фэнцин начал кашлять. Он взял платок, чтобы приглушить кашель. Когда его кашель утих, платок уже был испачкан кровью.

Чу Фэнцин поджал губы, вытер с них кровь и убрал платок. Проблеск тревоги промелькнул в его глазах. Он уже не мог сказать, было ли его физическое состояние вызвано эпидемией или его изначальной болезнью.

Снаружи комнаты Цзи Юйцзинь прислонился к стене и крепче сжал чайник. В следующий миг ручка чайника сломалась. Он опустил глаза, чтобы посмотреть на свою порезанную руку, затем повернулся и направился на кухню.

<http://bllate.org/book/17231/1639388>